

Владимир Силкин

Прости, берёза

книга стихотворений

Поэзия XXI века

Поэзия XXI века (Горизонт)

Владимир Силкин

Прости, берёза

«Горизонт»

2014

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

Силкин В. А.

Прости, берёза / В. А. Силкин — «Горизонт», 2014 — (Поэзия
XXI века (Горизонт))

ISBN 978-5-904704-35-9

Долгие годы стихи Владимира Силкина, с их неизменной лирической интонацией и чарующей полифонией, востребованы самыми строгими гурманами поэтической вязи. Каждая строка поэта дышит добротой и светом, автор ведёт доверительный разговор со своим читателем, заставляя его любить мир таким, каков он есть. Бескрайние поэтические пространства поэта заселяют берёзы, одетые «в нездешние гетры»; это у него «дожди просеивают грусть», а чудесные сказки «носит русский мужик в кулаке». В его окно ломаются «скуластые ветры», а «насквозь промокшие осины к рябинам тянутся погреться». В сочинениях о России перед нами возникает опрятная, красивая и молодая женщина, готовая любить, жертвовать и прощать. Своя манера письма у поэта в стихах, посвящённых защитникам Отечества, думающим, страдающим, не озлобляющимся на происходящее: «Мы никого не потеряли, мы не убили никого». Хочется верить, что те, кто соприкоснётся с творчеством Владимира Силкина, доставят себе истинное удовольствие, отведают его вкусное и калорийное литературное меню из незатёртых и афористичных образов.

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

ISBN 978-5-904704-35-9

© Силкин В. А., 2014

© Горизонт, 2014

Содержание

Об авторе	7
Голуби	9
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Владимир Силкин

Прости, берёза

© Силкин В. А., 2014

* * *

Об авторе

Владимир Александрович Силкин родился 14 октября 1954 года. Окончил Ряжский дорожный техникум, Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище, редакторское отделение военно-педагогического факультета Военно-политической академии. Проходил военную службу в Южной группе войск (Венгрия), Белорусском (г. Минск), Сибирском (новосибирский Академгородок), Дальневосточном (д. Платонов-Александровское Камень-Рыболовского района Приморского края, г. Уссурийск Приморского края) военных округах, Главном управлении кадров министерства обороны СССР и РФ, Военно-художественной студии писателей МО РФ. Ветеран военной службы, полковник запаса.

Автор сорока книг стихотворений, в том числе детских, эссе, песен, переводов. На его произведения написано около 500 песен композиторами России и зарубежья.

Лауреат Государственной премии России, премии Приморского комсомола, Национальной премии Петра Великого и многих других. Заслуженный работник культуры РФ. Кавалер ордена Почёта. Святейшим патриархом Московским и всея Руси удостоен ордена Русской православной церкви святого благоверного князя Даниила Московского.

Кандидат педагогических наук. Доцент кафедры журналистики Института масс-медиа Московского государственного университета культуры и искусств. Главный редактор военного литературного альманаха «Рать», ответственный редактор журнала «Московский вестник».

Книги В. Силкина «Журавинка», «Три имени» и «Золотое крыльцо» находились в космосе и кругосветных морских плаваниях на парусных учебных судах «Надежда» и «Круzenshtern».

Именем В.А. Силкина названа библиотека № 2 г. Ряжска Рязанской области, литературный салон в Ряжском краеведческом музее, он почётный гражданин г. Ряжска, почётный краевед Ряжского района. С 2004 года в Ряжском краеведческом музее проходят поэтические чтения «Читаем стихи Владимира Силкина».

Секретарь Союза писателей России, начальник Военно-художественной студии писателей культурного центра ВС РФ имени М.В. Фрунзе. Член Координационного совета земляков при губернаторе Рязанской области, член правления Рязанского землячества в Москве. Возглавляет литературное объединение имени Героя Советского Союза, писателя Владимира Васильевича Карпова при Военно-художественной студии писателей культурного центра ВС РФ имени М.В. Фрунзе, а также военно-патриотический клуб молодых писателей и журналистов.

Член Союза журналистов с 1982 года, Союза писателей с 1991 года.

Поэт ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ СИЛКИН.

Голуби

Рассвет на улице Заречной

На Заречной поют соловьи,
Спасу нет от залиvistых трелей.
Дорогие, родные мои,
Вы же в душу мою залетели.

Я не сплю, разве можно уснуть,
Не дослушав последних признаний.
Не успеешь и глазом моргнуть,
Как они уже душу поранят.

Не до боли, до вскрика души,
Ослеплённого вспышкой рассвета.
Ты послушай ещё, подыши,
Пока лучшая песня не спета.

1988

В садах Алешни

В садах Алешни сняли сторожей,
Бери корзину, жарь до яблок пёхом.
Но столько в мире выпало дождей,
Пока дойдёшь, и сердцу станет плохо.

Увязнут в чернозёме сапоги,
Едва шагнёшь к душистой боровинке.
Висеть плодам влекущим до пурги,
Хоть разорвись они на половинки.

Дожди, дожди... На сотни вёрст они.
Как будто кто на сад накинул сети.
И яблоки качаются одни,
Не падая на землю на рассвете.

Печаль рассветов с привкусом дождей,
И лужи по ладоням чернозёма...
В садах Алешни сняли сторожей,
А значит, все сегодня будут дома.

1997

Это только декабрь

Анне Царьковой

Это только декабрь,
Впереди ещё будут апрели,
Изумрудные очи
Распахнёт удивлённо трава,
И над Хуптой вспорхнут
Соловьиные чуткие трели,
И тогда успевай
Подбирай только к песне слова.

А сейчас лишь декабрь,
Заунывное пенье метели,
На карнизах окон, как песцы,
Развалились снега.
Что грустить? Впереди
Ещё будут апрели,
И красивая жизнь возвратится
В свои берега.

За окошком декабрь,
Свет огня из родного музея,
Под забором притихла
До подъёма тюрьма.
И усталый фонарь
Жадно в комнату вашу глазееет,
Где по гипсовым стенам
Гуляет зима.

Это только декабрь,
Позади октябри с продразвёрсткой,
Госпитальные койки,
Гудящая в сердце война.
Вновь зима залепила дома,
Как извёсткой,
И не сходит с висков,
Как с музейных икон, седина.

1997

Мечты безденежного отпускника

Надоело без дела,
Отпускных не дают.
Я б повёз свое тело
Отоспаться на юг.

Я не то чтобы очень,
Но от службы устал.
Да и в городе Сочи
Никогда не бывал.

По дороге в Пицунду
Приземлялся я там.
Столько всякого люда
Льнёт к тем самым местам!

Я же съезжу в свой Ряжск,
Повидаю родню,
Ни дельфинов, ни пляжей,
Хупта мрёт на корню.

Снова лето проходит,
И приходит на ум:
Сесть бы на пароходик
Из Пицунды в Сухум.

1998

Быть добру

«Дождь в дорогу – быть добру!» —
Я не раз слышал про это,
И в дорогу я беру
Вот такую сумку лета!

Я иду, а дождик вслед,
Как конфеты в детстве, сладкий.
Мне каких-то сорок лет,
И дела мои в порядке.

Липнет глина к башмакам,
И рубаха липнет к телу.
Ну же, дождик, по рукам,
Ты смотри, как всё запело!

Только ты на миг отстал,
Только шаг звенящий сбавил,
Тут я радугу достал
И над речкой мост поставил.

Больше в сумке ни шиша,
От дождя следа не сыщешь.
Что же ты, моя душа,
Соловьём счастливым свищешь!

1998

От Москвы до Уссурийска

Вот и отпуск мой истёк.
Рейс Москва – Владивосток.

И, кривляясь на лету,
Забирает в небо ТУ.

Думая о доме,
Приземлюсь в Артёме.

Прямо в ночь, на страх и риск,
На попутке – в Уссурийск.

В этот час до Уссурийска
Два часа каких-то риска.

Всё на свете провались,
Если дома заждались.

1998

В родном краю

Восемь изб, за ними – поле,
Тишина рязанских чаш.
Свет родимого раздолья
То спокоен, то манящ.

Кто меня теперь узнает
И кого узнаю я,
Сторона моя родная,
Голосистая моя!

Мне твоё признание важно.
– Здравствуй, поле в васильках!
Над тобой мой змей бумажный
Заблудился в облаках.

Здравствуй, речка-говорунья!
Здравствуй, пруд без карасей!
Здравствуй, здравствуй, баба Груня,
Мать погибших сыновей!

Сколько света подарила
Мне твоя простая речь!
Вот с того во мне и сила —
Есть на свете что беречь.

Оттого я, как мальчишка,
Рад берёзам и ручьям,
Что твой дивный голос слышу
Снова, родина моя!

1985

Памяти матери

Заберу на память грусть,
Уложу в рюкзак дорожный,
На распутье разберусь
В истинах, что непреложны.

Заберу на память боль
Чёрных глаз твоих усталых.
Ты, пожалуйста, позволь,
Чтоб она со мной осталась.

Заберу на память гром,
Что бубнил над нашей крышей,
Чтоб когда-нибудь потом
В горький час его услышать.

Заберу на память свет,
Что в окне твоём маячил...
Как мы поздно мамам вслед
На могильных плитах плачем.

1983

Родина

Далеко ли от дерева семя
Упадёт? Отвечают, что нет.
Лечит раны упрямое время,
Оставляя отчётливый след.

И однажды, куда-то уехав,
Мы к истокам вернуться должны.
Тихо крикнешь и знаешь, что эхо
Отзовется с родной стороны.

Даже птицы тоскуют в разлуке,
И у них холодеют сердца.
Не с того ли печальные звуки
Часто слышатся в песне скворца?

Перелётным, возможно, попроще,
Позабыв про тепло и про тишь,
Улететь от ручья и от рощи...
Но от Родины не улетишь.

1979

Поля российские

Такая тишь... Окликнуть некого.
Один лишь Млечный Путь давно
Пролёг к разъезду Дубосеково
И дальше – до Бородино.

И в тишине подлунной слышится
Дыхание земли родной,
И так легко и просто дышится
Берёзовою тишиной.

Поля российские над бедами
Из плоти матери-земли,
Из глубины веков победными
Цветами жизни проросли.

Земля былинная, сурова
Будь, доброту в себе храня,
Во славу поля Куликова,
Во славу завтрашнего дня.

1982

Российская глубинка

Какая-то церковь, ограда,
Наличник, побитый дождём.
Бросая рассеянно взгляды,
По жизни, сутулясь, бредём.

Кладбище, поросшее мохом,
Упавших деревьев стволы.
Да разве повинна эпоха,
Что мы безразличны и злы?

Не видим, проходим беспечно
Сквозь самый блистательный снег.
И думаем, выпал навечно.
Но это ж не так, человек!

Текут золотые мгновенья.
Оглянешься, что за спиной?
Ни леса, ни стихотворенья
О светлой сторонке родной.

А можно ведь было увидеть
Церквушку, наличник резной,
Понять, что природа в обиде
На тех, кто спешит стороной.

Увидеть, как солнце лучилось,
Как гнёздышко вил соловей.
Ну что же, скажите, случилось
С российской глубинкой моей?

1982

О России

Не могу быть залётною птахой,
О России свистеть соловьём
И отчаянно охать и ахать
При каком-то несчастье своём,

Если мир задыхается гарью,
Если снова кричит вороньё,
Если гибнут хорошие парни
За короткое счастье своё.

Не могу без рябиновых песен,
Без кипящих на солнце берёз,
Без солдатской отваги и чести,
Что мой дед по Европе пронёс,

Если мирно живёт по соседству
Из оглохшей пехоты солдат,
Если вишни, отцово наследство,
Столько лет в тишине шелестят.

1979

Прости, берёза

Склонись ко мне, берёза, и прости,
Прости за то, что столько зим промчалю,
За то, что ты не раз меня встречала,
А я не мог сыскать к тебе пути.
Склонись ко мне, берёза, и прости.

Какой рассвет, и дали зелены,
И жерёбёнок по лугу несётся,
И цепь звенит у старого колодца,
И тётка Поля сына ждёт с войны.
Какой рассвет, и дали зелены.

Мне б это всё по свету пронести,
Не расплескать из сердца, не утратить.
Мне этой ноши до скончания хватит.
Склонись ко мне, берёза, и прости,
Мне очень трудно без тебя расти.

1982

Последние вьюги

Последние вьюги мне счастье на ухо нашепчут,
Понурясь, за город проснувшийся выйдет зима,
И льдины на речке себя, осердясь, искалечат,
И ясными стёклами глянут на солнце дома.

Привет же, апрель, выгоняющий хвори наружу!
Как дружно расселись на плечи берёзам грачи!
Природа мою заболевшую за зиму душу
Берётся задаром на целую жизнь излечить.

Спасибо, весна, за воробышка, вставшего в лужу,
Дождался и он первых радостных вздохов земли.
Неужто же я ни единому сердцу не нужен,
Неужто не в срок мои чувства на вырост пошли?

Не знаю, не знаю... Но верится, ходит по свету,
Блуждает в потёмках озябшая чья-то душа.
И хочется крикнуть, чтоб только услышала: «Где ты,
Да что ж ты навстречу так долго идёшь не спеша?»

1994

Приморье

Такие дни готовит лето,
Что лишь ладони подставляй!
А друг опять берёт билеты
В литовский город Шяуляй.

А мы, как галки на заборе,
Сидим с женой, и не согнать.
Какой резон своё Приморье
Нам на Прибалтику менять!

Не осуждаем торопливых,
Но плохо ль где-нибудь в леске
У волн Амурского залива
Лежать, забывшись на песке.

Глядеть туда, где остров Русский
Играет синею волной,
Где горизонт в ладошке узкой
Возносит солнце над страной.

1982

Младшая сестра

Лене

Сестра моя кукол забросила,
Сестра моя младшая – взрослая.

Частенько у зеркала вертится.
Невеста! А маме не верится.

Ребята, подростки вчерашние,
Её красотой ошарашены.

Малышка соседская рада
Её необычным нарядам.

А бабушка смотрит внимательно
И крестится вслед обязательно.

– Куда это так наряжается? —
Но внучку спросить не решается.

Зачем приставать к ней с расспросами?
Сестра моя младшая – взрослая.

1979

Вишнёвый свет

Есть прелесть жизни на яру,
Когда смущённая рябина
Расчесёт кудри поутру
И, потянувшись, выгнет спину.

Вишнёвый свет ромашки пьют,
Охрипший ветер дует в трубы,
Шептать стихи не устают
Берёз обветренные губы.

Вдали от серых городов
Здесь солнце вёдрами разносят,
Снегами пахнет из садов,
Леса кричат в разноголосье.

Здесь мама, выйдя на крыльцо,
Всё ждёт отца, забыть не смеет,
И обручальное кольцо
На пальце мамином тускнеет.

1982

На родине

Евгению Трофимову

Смолёные лодки и снасти,
Ракушка да жёлтый песок.
Какое же всё-таки счастье
Домой заглянуть на часок.

Стоять над водою высокой,
Молчать, и смотреть на волну,
И слушать, как шепчет осока
О чём-то своём в тишину.

Рассвет над деревнею брезжит
В прозрачном просторе небес.
Как грустно быть гостем заезжим
Когда-то рождённому здесь.

Смолёные лодки и снасти,
Осенняя свежесть реки...
Какое же всё-таки счастье —
Пожатье отцовской руки.

1982

Осенние звёзды

Утихает светлый ветер...

А. Блок

Светлый ветер родной стороны
Засыпает над нашей избою,
И далёкие звёзды полны
Бережущего душу покоя.

Этим звёздам сиять и сиять,
Освещая дорогу идущим,
Осенью покой россиян,
Озаряя осенние кущи.

Но щемящее чувство вины
Есть во мне перед родиной малой,
Перед парнем, идущим с войны,
И заросшей могилою мамы.

От печальной дрожащей звезды
Добрый лучик ложится на пашню,
Как пригоршня последней беды,
Как лоскут от России вчерашней.

1983

Моё село

Брату Евгению

Хотелось краешка земли,
Коней и сеновала,
А мама, чтобы не ушли,
Нас дома закрывала.

И выше не было тоски:
Из маминого плена
Смотреть, как возят мужики
На край на этот сено.

Воды немало утекло,
Узнал я, края нету,
Но есть хорошее село,
Где постоянно лето.

1986

Хата с краю

Нет целебней домашнего рая,
Есть кушетка и чай на столе.
И стоит моя хата не с краю
В деревянном российском селе.

Здесь открыты и окна, и двери,
Здесь и песня, и пляска в ходу,
Здесь на слово прохожему верят
И, как близкого, в сени ведут.

Этим живы в России от века,
Так и внукам, и правнукам жить,
Чтоб всегда человек человека
Мог как друга за стол посадить.

Я гостей себе не выбираю,
А пожалуют, будут в тепле.
И стоит моя хата не с краю,
Потому что стоит на земле.

Хата с краю... Звучит жутковато
Эта фраза в космический век.
Нет, не может быть крайнею хата,
Если в хате живёт человек.

1984

Взгляд

*Город Рязжск основан в 1502 году.
Ранее назывался Рясском.*

Пролетают полночные птицы
Над ладонями стынувших рек,
И костёр пограничный клубится
У бревенчатых русских засек.

Ходят кони над Хуптою сонной,
Ржут, почуяв недобрую весть,
И величье в просторе бездонном,
И какое-то таинство есть.

Я на прошлое сети накинул,
Я тяну, упираясь, года,
Подставляю истории спину,
Чтоб взвалить на неё города.

Мы не раз уже памятью биты,
Мы устали от сказок и лжи,
А исконная наша орбита
Зарастая травой, лежит.

Как же так, забываем, что свято,
Что грустинки порой не сыскать.
Этим полем скакать жеребят
Или больше уже не скакать?

Васильки, одуванчики, ряска,
Птицы вольные и облака —
Словно письма из древнего Ряска,
Прилетевшие к нам сквозь века.

Я не видел, но было, наверно:
Часовые недалей Москвы,
Земляки мои, рясцы, за веру
Не жалели своей головы.

Поднимали усталые руки,
Обнажали карающий меч
За леса, за луга, за излуки,
За певучую русскую речь.

1986

Журавинка

Владимиру Кулакову

Журавинка, Журавинка...
В ней, как в зеркале, видна
Не российская глубинка,
А России глубина.

Здесь издревле в каждом доме
Чистым словом дорожат,
Здесь, в родимом Чернозёмье,
Корни Родины лежат.

И с того тут песни звонки,
Что восходят от земли,
Что вот тут, в родной сторонке,
По наследству перешли.

Вдалеке от центров шумных,
Вдалеке от вольных рек
Поселился, видно, умный
Добрый русский человек.

И букашка, и травинка —
Всё здесь радовало глаз.
И, конечно, Журавинка
Не случайно родилась.

Родилась под вечер синий,
Что ложился на поля.
Потому что нет России,
Нет земли без журавля.

Тут, как встари, тянут ношу,
Сеют рожь, растят солдат
И на мир, такой хороший,
По-хорошему глядят.

1986

Мужики

От зари и до зари
Поливают землю потом,
И в руках у них горит
Их извечная работа:

Пашут зябь и сеют рожь,
Всё трудом соизмеряют
И на прочность молодёжь
В трудном деле проверяют.

Сколько лет и сколько зим
Не сгибаются от хвори.
Низко кланяюсь я им,
Людям русского подворья.

Держат солнце на руках
И не стонут от бессилья,
И на них, на мужиках,
И стоит моя Россия.

1987

Деревня

Умирают цветы и деревья,
Исчезают породы зверей,
А теперь вот уходят деревни,
Отмирая от древних корней.

Пустота, и не радуют слуха
Голоса позабытых берёз,
И антоновка падает глухо
В травы, полные утренних слёз.

Я сюда выбирался не часто
И не знал о её новостях.
Вышло с прошлым своим повстречаться
Мне у мёртвой деревни в гостях.

Что же с нами случилось, скажите,
Если в сердце, как в поле, жнивье,
Если на неуют общежитий
Променили наследство своё?

Не дожить бы до страшного мига —
И увидеть последний плетень
И лощёную Красную книгу
Отживающих век деревень.

1987

Знахарка

Светлой памяти деревни Малая Кремёновка

Заговори от пустоты,
Найди заветные слова ты,
Хоть, знаю, все твои кресты
Для исцеленья слабоваты.

Ушла деревня, а за ней
Исчезло всё твоё всезнайство,
И ты как древо без корней
И как хозяин без хозяйства.

Но я люблю тебя за то,
Что ты жива своею верой,
Что кроме не следит никто
За обелиском из фанеры.

Спасибо, добрый человек,
За душу светлую спасибо,
Что доживаешь долгий век
Хоть незаметно, но красиво.

Врачуй, судьбе своей назло,
Лечи натруженные чресла,
Пока ты есть, твоё село
С районной карты не исчезло.

1987

Ямской луг

Виталию Каширскому

В небе тучи летают, как змеи,
Зависая на нитях дождей.
Я обжиться никак не умею
В суете городских площадей.

И, мальчишеской думкой влекомый,
Я хочу, я стараюсь туда,
Где по тёплому лугу Ямскому
Друг за другом вприпрыжку года.

Где приветливый месяц усталый
Воду синюю пьёт из рожка —
Из реки моей родины малой,
Без которой на сердце тоска.

Улетаю, спешу поездами,
Но лишь гляну в ночное окно,
Сразу город мой над берегами,
В землю русскую вросший давно.

Никогда я счастливым не буду
Без обрыва, где гнёзда стрижей,
Без Петровского третьего пруда,
Без нетрезвых его сторожей.

Я обжиться никак не умею
В суете городских площадей.
Кружат в небе бумажные змеи,
Отзываясь на крик лебедей.

1989

Родные места

В рязанских лугах заблудились весёлые майские ливни,
Леса и подлески очистила свежести первой гроза,
И терпкий, щекочущий запах ожившей весенней полыни
И родины малой, но милой до слёз разъедает глаза.

И кажется мне, что сейчас вот из ближнего к насыпи дома,
В цветном полушалке, который нельзя не узнать,
Предчувствием встречи со мною, как прежде, влекома,
Ко мне устремится моя постаревшая тихая мать.

Как годы летят, отдаляясь всё зримей чертою,
Как низко плывут надо мною за эту черту облака.
И лес, и река, вероятно, чего-то на свете да стоят,
Коль еду и еду к ним издалека.

1989

Большая Алешня

*Памяти владельца с. Большая Алешня,
Героя Отечественной войны 1812 года,
Георгиевского кавалера, дежурного генерала при М.
И. Кутузове Петра Андреевича Кикина*

Большая Алешня, Большая Алешня...
Вдали от больших автострад
Взметнулся шиповник и редкий орешник
У низеньких сельских оград.

С шоссейной дороги – минута до замка,
До парка, где были мостки,
До церкви забытой, до рухнувшей арки,
До высохшей рядом реки.

За снежной зимою, дождливой весною,
То в пьянках, то в спешных делах
Духовность страны оставалась стернёю
В широких российских полях.

И грустно, и больно: Кольцо Золотое
Алешней замкнуть не смогли.
Неужто уже ничего он не стоит,
Клочок этой древней земли!

Щебечут дожди свои светлые сказки,
Стекают в село под горой,
Где лишь голубые анютины глазки
Печально мигают порой.

1988

Годы

Какие наши годы!
Но грустно иногда:
Сбегают пароходы,
Уходят поезда.

И на причалах этих,
И на перронах тех
Дожди ржавеют летом,
Зимою киснет снег.

И в тишину врастают
Прощальные гудки,
И в воздухе витают
Косынки и платки.

Какие наши годы!
Морщинки возле глаз.
Сбежали пароходы
И поезда без нас.

А были по соседству
В той сказочной стране,
Где белый остров детства
Качался на волне.

Но утекло немало
Воды, ослабла прыть,
И жизнь девятым валом
Пытается накрыть.

1983

Братья

Шла метель по глубокому следу.
Я стоял, коченея в снегу,
И стонал в полушаге от бреда:
– Люди добрые! Я не могу!

Кто-нибудь! Отворите ворота! —
Я молил, не дойдя до ворот.
Всё надеялся, выглянет кто-то,
В избу зимнюю дверь отопрёт.

– Отворите! – Проглатывал ветер
Мой горячий удушливый крик.
И никто на селе не ответил,
На пороге никто не возник.

Я застыл в забытии под забором,
Но очнулся на стук топора.
Лошадь, сани... «Наверное, вору
Добрались до чужого добра...»

И меня увидали и – разом:
– Ты чего тут, сердешный, застрял?
– Да метель подкузьмила, зараза,
Заблудился, – я им повторял.

Дали варежки, термос достали,
Взяли на руки, в сани снесли.
Вору так суетиться б не стали...
Боже мой! Да меня же спасли!

Чаем с мятой согрелись немного,
Я чего-то промямлил про дом.
Помолчали, сказали нестрого:
– Ты не думай, мужик, не крадём!

Это наше подворье, отцово.
На чужое вовек не войдём.
Так что можешь поверить на слово... —
И опять: – Мы, мужик, не крадём!

Стало стыдно за мысли некстати
И неловко за глупый вопрос.
И сказал я: «Спасибо вам, братья,
Не поспей вы, наверно б, замёрз!»

– Ладно, ладно... – оттаяли лица, —
Видно, не был здесь очень давно.
Это с каждым могло бы случиться.
Тут недолго у нас заблудиться,
Но пропасть никому не дано.

Я смотрел на широкие плечи,
Слушал умные светлые речи,
Делал вывод из этих речей:
Доброта сохраняет и лечит,
Но врачует лучше врачей.

– Ну, бывай, – подмигнули, – покуда.
Нам – направо, до дому – верста.
Мне хотелось сказать: «Не забуду
Я вас, братья, теперь до креста!»

Мы простились, но помню поныне:
«Ты не думай, мужик, не крадём!» —
И дорогу, и запах полыни,
И снегами затопленный дом.

Из сугробов, бывает, не выйти.
В чистом поле, где ветры парят,
Я шепчу в пустоту: «Отворите!» —
И уверен, что мне отворят.

1991

Осенние ветры

В полях российских ветры не унять:
Скулят себе, в ночи по-волчьи воют.
И трудно заунывное понять
Их ветряное пенье вековое.

О чём они, слетевшие с небес,
Зачем они под сень забытых кладбищ,
Какой у них житейский интерес
В местах исконных деревенских пастбищ?

В глухой ночи уставшие скулить,
Летят они в заброшенные кущи,
Как странники, в печали и в пыли
Несут свои измученные души.

Я слышу их глухие голоса,
Я вижу их натруженные спины...
Приходит утро, и блестит роса,
И перещёлк стихает соловьиный.

Изменчив мир, приемлющий рассвет.
Какое солнце поливает пашни!
И ветра нет. На свете ветра нет,
А есть лишь вздохи тягостные наши.

1992

Но жгут ботву...

Марии Трифоновой

В деревне Телешовке на Рязанщине
Стоит грибная светлая пора.
Подлески золотые близлежащие
Лохматят полусонные ветра.

Но жгут ботву, печаль невыразимая.
Всё ниже тучи ходят над землей.
И вновь деревня, словно рожь озимая,
Готова к встрече с долгою зимой.

Блуждает осень, тычась меж оградами,
По пруду тучи – будто корабли.
И чувства нет блаженней и отраднее,
Чем это чувство близости земли.

Взмахни рукой. Как лебедь белоснежная,
Над трудным счастьем круг свой опиши,
И различишь, как радость неизбежная
Коснётся неиспорченной души.

Звенит листва о крыши деревенские,
Скупее солнце греет дерева.
У осени прощальные и веские
Слетают с губ обветренных слова.

Прими как есть кустарники поблёкшие,
Лохмотья туч, набегавшихся всласть.
Грядёт пороша. Что там, за порошею?
Куда снега готовятся упасть?

1992

На Хупте

То щука плеснёт на мели,
То утки взлетят над осокой,
То пар, словно вздохи земли,
Восходит высоко-высоко.

Опять на заре ни клевка,
К дождю потемнела водица,
И палец цветной поплавка
Качается, туче грозитя.

1993

Гимн солнцу

Какой покой, какая тишина!
И верится в недалёкую удачу.
Подсолнухи у самого окна,
Как маленькие солнышки, маячат.

Большое солнце всходит не спеша,
На хмурых тучах расправляет складки,
Извечный труд красивый свой верша,
Оно спокойно поливает грядки.

Нет суеты в движениях его,
Лишь вековая внутренняя сила.
Без этой силы в мире ничего
Не расцветало б и не голосило.

1993

В заброшенной русской деревне

Ветер звёзды холодные тушит,
Голосит на могилах зима.
Ходят в полночь забытые души
И стучатся в пустые дома.

Умоляют впустить обогреться,
На порогах подолгу сидят.
Ну куда им, отвергнутым, деться,
Коль глаза ни на что не глядят?

Ни собаки, ни кошки заблудшей,
Голосит на могилах зима.
Ищут близких забытые души
И, отчаявшись, сходят с ума.

1991

Над Окою скуластые ветры

Над Окою скуластые ветры,
И антоновка с добрый кулак,
И одетый в потёртые гетры
Загулявший в полях березняк.

Птицы гнёзда свои не колышут,
Молчаливы за поймой стога,
И места эти скоро услышат,
Как опустятся с неба снега,

Как рябину склюют свиристели,
Как помогут им в этом клесты...
Отсвистели своё, просвистели
Не познавшие счастья мечты.

Как светла в этой кружке водица!
Глянешь, всё там увидишь на дне.
И шальная снежинка садится,
Как знакомая, на руку мне.

Спелый ветер играет на скрипке,
Тянет дымом от крайней избы.
Всё равно я увижу улыбку
Невзлюбившей с рожденья судьбы.

Всё равно я допью эту воду,
Где вся жизнь от рожденья видна:
И любовь, и печали народа
Я с народом и выпью до дна.

2003

В Константинове

В Константинове песни и пляски,
И стихи серебром по Оке.
Ах, какие красивые сказки
Носит русский мужик в кулаке.

Разожмёт, полетят соловьями,
Успокоят больные сердца.
Говорить золотыми словами
Можно лишь с золотого крыльца

Деревенской, бревенчатой, грубой,
Но пропитанной светом избы,
Чтобы вишен обветренных губы
Целовали жасмин городьбы.

Чтоб тянуло в духмяные сени
Ускользающий луч старины,
Чтобы не было сердце осенним,
Чтобы были друг другу нужны.

В Константинове песни и пляски,
Облака отдыхают в Оке...
Ах, какие красивые сказки
Носит русский мужик в кулаке.

2003

На подъезде к Константинову

Владимиру Мазалову

В поле возле Константинова,
Оттолкнувшись от земли,
Из-под сетки паутиновой
Взмыли в небо журавли.

Над пустой стернёй, над поймою
Раскричались журавли,
Что-то впрямь такое вспомнили,
Что не вспомнить не могли.

И за миг до расставания
С этим краем, этим днём
И рябиной горькой раннею,
Полыхающей огнем,

Вдруг растаяли за тучею,
Растворились за дождём,
Душу криками не мучая
Над болотом и прудом.

Золотой порой осеннею
Будто вымерли вдали...
С «малой родины» Есенина
Улетели журавли.

2003

В гостях

Виктору Бокову

Падали сытные яблоки лета,
Август качался на нитях дождей
И забирался на дачу поэта,
Чтоб обсушиться немного на ней.

Пили «Мерло», вспоминали великих,
Тех, кто уехал уже навсегда,
И на портрете хозяина лики
Этих людей проступали тогда.

После на чай-кипяток засопели,
Начали книги друг другу дарить,
Под балалайку смеялись и пели
И на крыльцо выходили курить.

Дождь завершился, и сетуй не сетуй,
Но наступила пора уезжать,
И продолжала невзрачная Сетунь
Всем своим худеньким телом дрожать.

Я оглянулся: стоял одиноко
Знающий, как беспокоить сердца,
Сказочник слова и песенник Боков,
Не опускаясь на землю с крыльца.

2003

За час до снегопада

С берёз листва, как стружка из рубанка,
Бери корзину, собирай её.
Ах, осень, осень, скатерть-самобранка,
Узорочье рязанское моё.

И этот гриб, и муравейник спящий,
И лося оступившегося след
Хранит уже октябрь настоящий
От всех своих случайностей и бед.

Брожу в лесу за час до снегопада
И вижу дали дальние ясней.
Земле б смеяться, но земля не рада,
Она уже промёрзла до корней.

Давай, метель, влетай и в эту волость,
Ложись в постель из яблочной листвы.
Пусть хриплый твой, твой одичавший голос
Меня окликнет около Москвы.

2003

Не пролетайте мимо, журавли

Печаль меня опять не покидает,
Когда под утро, в сумрачной дали,
Душа моя осенняя страдает
О том, как горько плачут журавли.

Они летят, ломает ветер крылья.
Над сотней светлых речек и долин,
Покрытый плотно нашей русской пылью,
Летит к теплу порвавший крылья клин.

И тот вожак, что вырос на Мещёре,
Не будет спать без поля и берёз.
Наверно, всё же лучше жить за морем,
Но это если ни души, ни слёз.

Он вытрет кровь, залечит грязью раны,
Поднимет клин неспящий на заре
И полетит в Россию через страны,
Которые не принял в сентябре.

Как хорошо, что есть у стаи воля
И место есть среди большой земли.
Не забывают и о русском поле,
Не пролетайте мимо, журавли.

2003

Волгоградка

Здесь рабочим пришлось несладко,
То подъём тут идёт, то спуск,
Извивается Волгоградка,
То и дело меняет курс.

Мимо поля бежит и леса,
Разрезает десятки рек.
Но не ради же интереса
Так провёл её человек.

Так хотелось приблизить к людям,
Так хотелось вписать в ландшафт,
Понимал он, как будет труден
Утверждённый начальством шаг.

Двухполоска, а надо б шире,
Столько трейлеров на пути,
Ни единой машине в мире
Их на трассе не обойти.

Друг за дружкой вереницей,
Хоть у каждой глаза горят,
Но машины идут в столицу,
Возвращаются в Волгоград.

2004

Вагончик

В этом вагончике дух старшинства,
Здесь дядя Ваня всему голова.
Здесь, накидавшись асфальта, не пьют,
Тут даже песен блатных не поют.

Кем-то, наверное, заведено,
Режутся черти дорог в домино.
Руки по локоть и плечи – черны,
Только глаза на лице и видны.

...Вовка Козлов получает «козла».
Просто игра у него не пошла.
Очень упрямая вещь домино.
Многим дано, а ему не дано.

Вовка уходит, набычась, сидит,
В кучу щебёнки устало глядит.
Вот доиграют сейчас мужики,
И заиграют у них желваки.

Чаем запьют бутерброды они,
Каждый припомнит счастливые дни.

Но зашумит за окном самосвал,
Сразу в вагончике этом аврал.
Вновь в рукавицы суют кулаки
Самые близкие мне мужики.

Тянут дорогу и водку не пьют,
Вовке Козлову грустить не дают.
Трудная вещь, говорят, домино,
Лишь работягам доступно оно.

2004

Бетонка

Какой бетон! Свинец раз в двадцать легче...
Опять лопата валится из рук.
– Куда дорогу тянете, далече?
– Нет, недалече, к людям тянем, друг!

Стоит мужик, смеётся, руки в брюки,
Он без дороги может обойтись,
И что ему дорожные науки,
Которые придумывает жизнь.

Ну, грязь так грязь... Эх невидаль в России!
Её привыкли сызмальства месить.
Постой, мужик, мы эту грязь осилим,
Пора кончать в грязи по уши жить!

Он в кирзачах шагает по щебёнке,
И он ещё не прочь поговорить,
И мы спешим по новенькой бетонке
Таким, как он, дорогу подарить.

2004

Листва

Такой листвы не видел я ни разу —
Тяжёлая, обильная листва.
И кажется, что я с природой связан
Какой-то древней степенью родства.

Опавший лист из тех глубинных соков,
Что бродят в венах матушки-земли,
Её печальных дедовских истоков,
Которые столетья замели.

До октября листвы уже не будет —
Пройдёт к Покрову жёлтая пурга,
И в день рожденья на заре разбудят
И ослепят сиянием снега.

Подольше б отдохнуть от непогоды,
Вглядеться повнимательней в себя.
Спасибо, жизнь, тебе за эти годы,
Что я провёл, ревнуя и любя.

Такой листвы не видел я ни разу —
Тяжёлая, обильная листва.
И первый встречный с нею крепко связан
Какой-то древней степенью родства.

1997

Последний журавль

Владимиру Бояринову

В Ряжске яблок – корзин не хватает,
Наливные, одно к одному,
И последний журавль улетает,
Поклонившись жилью моему.

Он вернётся по звёздам весною,
Принесёт очищающий свет,
Поздоровавшись утром со мною,
Улыбнувшись, как добрый сосед.

И, сощутив хитрющие глазки,
Он воскликнет: «А как ты хотел!
Обещанья для птицы – не сказки,
Я ведь правда к тебе прилетел...»

А пока он кричит над болотом
На исходе осеннего дня,
И опять окликает кого-то,
И мне кажется, это меня.

В Ряжске яблок – корзин не хватает,
Наливные, одно к одному.
Почему же так поздно светает
И откуда печаль, не пойму?

2004

Осенняя зарисовка

Ранней осени танец,
Дождь смеётся до слёз,
И здоровый румянец
Тронул щёки берёз.

Разбежались опята
По замшелому пню,
Мухомор конопатый
Протянул пятерню.

Всюду ёлки да палки,
Но гурьбой в стороне
Ковыряются галки
На пожухлой стерне.

Муравьиная куча,
Робкий заячий след,
И угрюмая туча
Закрывает весь свет.

Чернота небосвода,
Предвечерняя мгла.
Вот такая погода,
Вот такие дела.

2004

Телега

Скрипит, но спокойно везёт
Нехитрую, в общем, поклажу.
С неё, хоть двухтысячный год,
В дороге районной не слажу.

Сойду и тотчас в колею,
В её чернозёмную жижу.
На ней даже долю свою
Вперёд на столетие вижу.

На ней то трава, то дрова,
Тяжёлые длинные следи.
Покуда Россия жива,
Куда ей одной, без телеги...

2005

«Что-то рано стрекочут синицы...»

Что-то рано стрекочут синицы,
Выбирая на зиму жильё,
А весёлые певчие птицы
Летом людям пропели своё.

Журавли замирают в болоте,
Провожая пролётных гусей,
И, наверное, к этой субботе
Откочуют губернией всей.

До свиданья, беспечное лето,
Белый хлеб, ключевая вода,
И спасибо вам всем за советы
И за то, что прощали всегда.

Вдоль дороги берёзы и сосны
Забрели по колено в траву...
Еду жизнью своей двухполосной
Летом в Рязск, а под осень в Москву.

2005

«Гоню соседскую собаку...»

Гоню соседскую собаку,
Коров топчущих на луг,
Иду неспешно на рыбалку
И что-то напеваю вслух.

Уже в пруду резвятся утки
И гуси чинно входят в пруд...
Какими будут эти сутки,
Что людям добрым принесут?

2005

«Ответил бы, если б спросили...»

Ответил бы, если б спросили:
– Кто ближе тебе и родней? —
Не те, кто кричат: «За Россию!»,
А гнущие спину пред ней.

2005

Дядя Гриша

Григорию Толмачеву

Я кричу, а он не слышит,
Что-то сам себе поёт.
– Дядя Гриша, дядя Гриша,
Дядя Гриша, глянь, клюёт!

Поплавка в реке не видно,
Значит, крупная взяла...
Нет, не лещ, но как обидно,
Что плотва и та сошла.

У костра сидим и дремлем,
Есть и лещ, и есть плотва,
И привычно греют землю
Прошлогодние дрова.

2006

«Не получил ты от жизни всего...»

Не получил ты от жизни всего,
Жизнь не итожишь.
Этот не может уже ничего,
Ты ещё можешь.

Ты на десятом своем этаже
Счастье находишь.
Этот стоит на коленях уже,
Ты ещё ходишь.

Ты не сорвёшься из-за ничего,
Драться не выйдешь.
Этот не видит врага своего,
Ты ещё видишь.

Мчатся упрямые наши года,
Жизнь не осудишь.
Этот не будет никем никогда,
Ты ещё будешь...

2006

Балалайка

Отгрустила она, отпела
И на Родине не в чести,
Но на струнах своих сумела
Чувство Родины пронести.

Раскупаются сувениры
И увозятся за рубеж,
И её увезло полмира,
А она всё жива, хоть режь.

То вдали загрустит, то рядом,
То поёт, как в саду оса.
Это ж надо любить так, надо
Наши реки, луга, леса!

Помнит всё и звучит исправно,
Трёт глаза по ночам зимой.
И поёт о цветах и травах,
И о небе, что ждёт домой.

2006

Речка Лапоток

Всей длины-то Лапоток —
С ноготок.
Никакой ему не нужен
Мосток.
Говорят порой про речку мою,
По колено, мол, она воробью,
Перейдёшь и не замочишь ступни.
Ты ей только о себе намекни.
Мол, уехал ты отсюда давно.
А как было, ей не всё ли равно.
Всех приветит, кто придёт, Лапоток,
Даст воды своей студёной глоток.
Без вопросов даст себя перейти,
Если только ты не сбился с пути.
Вот такой он, мой родной Лапоток,
А всего-то просто тихий приток.
А всего-то только прочих родней,
А всего-то лишь водою бедней.
Но искони на Руси беднота
Добродушна, горделива, чиста.

2006

Скворец

Только вышел, навстречу скворец
Золотистой рассветной порою:
– Ах, какой же уютный дворец
Ты мне этой весною построил!

Буду жить в нём, пока не помру,
Потакать ребятишкам крикливым
И молиться с женой поутру,
Чтоб и ты был таким же счастливым...

– Ну, спасибо, спасибо, скворец,
Что живёшь за моею оградой.
Пусть и дальше дарует Творец
Только радость тебе, только радость.

Мне же песня твоя как бальзам,
Мне приятно такое соседство.
Мир твоим неподкупным глазам,
Где весёлые чертики детства.

Мир твоим неокрепшим птенцам
И берёзе, что держит скворечник.
Мне вовек не прожить без крыльца,
Где ты пицешь и песни, и речи.

По России немало дворцов,
Но горжусь я своею избою,
Где над крышею песни скворцов
Потрясли мою душу собою.

2006

Подворотня

Слово за слово – драка!
Ох, ребята, держись!
Вон выходит из мрака
Моя прошлая жизнь:

И кастеты, и финки,
Раскладные ножи...
Мне шпана не в новинку,
Я её пережил.

Дрался с нею, как надо!
Да чего говорить!
Не боялся с фасада
В подворотню входить.

Отойдите, ребята,
И не делайте зла,
Я взорвусь, как когда-то,
И – была не была!

Уступают дорогу,
Прячут в кожанки злость...
Ну и всё, слава Богу,
Что вот так обошлось.

2006

Малые реки

Кобылиха, Бурминка, Алешня...
Сколько их, этих маленьких рек,
На которых старается грешный
Строить счастье своё человек!

Пробегают Вишнёвка, Алёнка,
Наполняют плотвой бреденьки,
И забытая Богом сторонка
Дарит мне золотые деньки.

Я катаюсь по речкам района,
Где и жителей, кажется, нет.
Но зато сколько в небе озона
И какой тут серебряный свет.

Но нет-нет да и выглянет кто-то,
Помаячит у дальней избы.
А у речек свои повороты,
И они не живут без судьбы.

Кобылиху, Бурминку, Алешню
Можно слить и в ведре унести,
Но уехать нельзя от сердешных,
А тем более взять и уйти.

2006

Мелководье

За перекатом перекаат,
Воды свеченье,
Меняет плавное река
Своё течение.

Здесь по колено глубина
На перекаате
И можно звёзды брать со дна
И согревать их.

А хочешь, глину доставай.
Здесь столько глины!
Меси и людям раздавай
Свои кувшины.

Плети нырёт из ивняка,
Ведь на рассвете
В него голавль из топляка
Идёт как в сети.

Спеши, пока свой нос луна
Не замочила,
Через неделю и она
Уйдёт в бучило.

Смотри, как бьётся перемёт
На перекаате,
А значит, жизнь в реке течёт
И кто-то платит.

И плачут раки на заре,
И рыба плачет,
И звёзды плачут в сентябре,
Но всё к удаче.

2006

Снег с дождём

Первый снег блуждает в сквере,
Как озябший человек.
Я и верю и не верю,
Что таким бывает снег.

Снег, похожий на скитальца,
К речке силится пристать.
Да его почти по пальцам
Можно весь пересчитать.

Этот снег целует воду,
Погружается в неё
И меняет не природу,
Состояние моё.

Первый снег блуждает в сквере,
Обживает этот свет,
И, я думаю, уверен,
Что его белее нет.

Всё не так: он мал и болен,
От досады слёзы льёт.
Но ведь снег, и я доволен,
Что он всё-таки идёт.

2006

Зимний поезд

Леониду Шумскому

Этот поезд на север,
Эти люди домой,
Ну а мы-то что сели
В этот поезд зимой?

Что нырнули с перрона
В ненагретый СВ
И глядим из вагона,
Как бесснежно в Москве?

Просто взяли и сели,
Почему-то нам вдруг
Захотелось на север,
Расхотелось на юг.

Вот взбрело почему-то,
Чтоб хоть раз в декабре
Встретить белое утро
На поморском дворе,

Где красивые лица,
Где не тратят слова...
И, выходит, столица —
Не всему голова!

Этот поезд на север,
Эти люди домой.
А мы взяли и сели
В этот поезд зимой.

2007

Роща Лучинник

Красота, куда ни гляну.
Зарумянился восток.
Перед входом на поляну
Раздают берёзы сок.

Из полей взлетают пчёлы,
Засыпает соловей,
Сотни пёстрых птах весёлых
Залились среди ветвей.

Ну куда уйдёшь отсюда?
Роща рощей, но она
Заставляет верить в чудо,
В сказочные времена.

Разве можно чудо бросить,
Потерять любовь и честь,
Если болдинская осень
Лишь у нас в России есть!

2007

Серые цапли

*В государственном природном заказнике
регионального значения «Ряжская пойма Рановы»
обитает колония серых цапель, селящихся на дубе
и чёрной ольхе и занесённых в Международную
Красную книгу*

Самые первые светлые капли
В это болото сейчас упадут.
Серые цапли, серые цапли,
Серые цапли кормиться идут.

Как называется это болото?
Мне не ответят на это они.
Цапли обедают. После полёта
Предпочитают остаться одни.

Кто там придумал, что цапли надменны?
Лучше не слушай и не кривословь.
Вот и любовь их к дубам неизменна,
К чёрной ольхе неизменна любовь.

Звёзды глаза промывают в болотах,
Звёзды на гнёзда приходят взглянуть.
Серые цапли готовы к полёту,
Серые цапли пускаются в путь.

Но возвратятся весною, я знаю,
Но возвратятся, возможно, не все.
Цапли окраски своей не меняют,
Цапли живут в своей серой красе.

Это у них от судьбы и от Бога.
В серой раскраске своя красота.
Жаль будет, если однажды дорогу
Цапли забудут и в эти места.

2007

Ночная фиалка¹

Ночная фиалка, ночная красавица...
Измученных глаз не могу отвести.
Одна ты и можешь без усталости нравиться,
Одна ты и можешь так пышно цвести.

Лесная поляна от глаз твоих светится,
И в смешанном этом певучем лесу
Нам выпало счастье июльское встретиться,
Уже и не помню, в котором часу.

Но тихую тёплую ночью рязанскую
Таила в себе ты такой аромат,
Что ночь мне казалась забытою сказкою,
Которую слышал лет тридцать назад.

Я многое в жизни неправильно делаю,
Не всё, что даётся легко, берегу,
Но это сокровище белое-белое
И лесу, и ночи вернуть не смогу.

2007

¹ Ночная фиалка – лесной цветок, любка двулистная, ночница, ночная красавица, люби-меня-не-покинь.

Ранний прилёт

Владимиру Гусеву

В этом году журавли обманулись.
Видно, и птицу подводит чутьё, —
Раньше из тёплого края вернулись
На гаревое болото своё.

С неба спустились в камыш пересохший,
Заиндевевший в последние дни.
Если бы валенки да на галоши,
Не приморозили б ноги они.

Только скукожилось к ночи болото,
Остановила движенье вода.
Целую ночь, словно вечность, за что-то
Бог журавлей окунал в холода.

Только они и в мороз не сломались,
Стужа полёт остудить не смогла.
Утром легко над землёй поднимались
И над водой расправляли крыла.

Только один не выказывал радость,
Чувствовал он, что здесь что-то не так,
И отводил от сородичей взгляды
Не понимающий неба вожак.

2007

«Только апрель, а тепло...»

Только апрель, а тепло.
Только бы не зазнобило.
Всё уже произошло,
Всё наступившее было.

Ушлый соседский малыш
Коников лепит из глины
Там, где ты молча стоишь
Возле размытой плотины.

Я возвращаюсь домой,
Веря в грядущее слабо.
Жаль, что скончалась зимой
Умная курочка Ряба.

Некому слова сказать,
Некому сердце доверить.
Только вот чьи-то глаза
Смотрят в прогнившие двери.

2007

Элита

Царские очи да барская спесь,
Кавалерийские шпоры...²
В общество знатное это не лезь!
Это же, в сущности, горы!

Царские очи бедой обожгут,
Барская спесь доконает.
Царские шпоры покой берегут,
Чей, даже толком не знают.

Не говори, что кичливы они.
Просто свой век доживают.
Держатся вместе последние дни,
На небеса уповают.

Их уже быть на земле не должно,
Но выползают повсюду.
Вот ведь как в жизни бывает оно —
Есть оно всё-таки, чудо.

2007

² Царские очи, барская спесь, кавалерийские шпоры – растения.

Скабиоза³

Бледно-жёлтый цветок скабиоза
Исчезает в рязанской глуши,
И какая-то злая заноза
Вдруг коснулась болящей души.

Исчезает цветок, исчезает
И теряет таинственный свет.
Вот и внучка моя не узнает,
Почему его всё-таки нет.

Бледно-жёлтый цветок скабиоза
Засыхает сейчас на столе.
Это горькая жизнь, это проза,
Так бывает на грешной земле.

2007

³ Скабиоза желтая – семейство ворсянковых. Двулетнее или многолетнее травянистое растение. Одиночные цветоносные стебли высотой 25–30 см, цветки бледно-желтые.

«Осенних дней скупая благодать...»

Осенних дней скупая благодать,
Ночные вздохи дремлющего сада.
И даже звёздам землю не видать,
А им вот-вот на землю падать надо.

Такая темь, грешно озоровать,
Искать плоды в глуши чужого сада...
Да кто же здесь решится воровать,
Когда в саду отсутствует ограда.

2007

Иван Купала⁴

Крикнешь, и я приду
В край, где белы купавы.
Ведь для чего-то же раз в году
Есть он, Иван Купала.

Вскрикнув, в глухом саду
Чья-то звезда упала.
Я через вечность к тебе приду
В ночь на Ивана Купалу.

Будут венки в пруду,
Будет огня немало,
Я от тебя отведу беду
В ночь на Ивана Купалу.

Будешь ты на виду.
Чтобы ты не пропала,
Я и в костёр за тобой пойду
В ночь на Ивана Купалу.

2007

⁴ Иван Купала – отмечается 24 июня. День ведьм, оборот ней, колдунов и пр. Празднуется сожжением костров в поле, купанием в воде и росе, плясками, перепрыгиванием через купальничьи огни. Первый сенокос. Собираение лекарственных трав. Появляются светляки.

«Под ветлой резвится жерех...»

Под ветлой резвится жерех,
Щука ходит в камыше,
Мелюзга уткнулась в берег,
Полумёртвая уже.

Жизнь идёт, вода скрывает
Всё, что было под водой.
Сердце кровью обливает
Встреча с близкою бедой.

Смерть никто не угадает.
Так идёт из века в век:
Рыба рыбу поедает,
Человека человек.

2007

На реке

Не раз тонул в бучилах,
И, что теперь скрывать,
Река меня учила,
Как легче выплывать.

Над головой раскаты,
От молнии темно,
Но я все перекаты
Прошёл уже давно.

Река, одно мученье,
Стремится лодку сбить.
Но если есть течение,
То есть куда и плыть.

2007

«За горой, за дальней рощей...»

За горой, за дальней рощей,
Там, где счастье спит моё,
Ветер облака полощет,
Как постельное бельё.

Ветер пыль гоняет в поле,
Головою бьётся в пыль,
Он, как дикий конь на воле,
Мнёт и травы, и ковыль.

Ничего ему не надо
От небес и от земли,
Лишь бы стройным клином рядом
Пролетали журавли.

Лишь бы только день был светел,
Не пришлось друзьям страдать,
А за это даже ветер
Жизнь готов свою отдать.

2008

Гром

Выйди в сад, там пичужка плачет,
Ходит курица у плетня.
И чего это жизнь дурачит,
И чего это лишь меня?

Почему ж не слышать веселья,
Только ветер гремит ведром...
Страшно мне, а не я ль посеял
За деревнею нашей гром?

2008

На вокзале железнодорожной станции Ряжск-1

Был вокзал – и нет вокзала,
Ресторан – и тот музей,
И с перрона жизнь слизала
Сразу всех моих друзей.

Кто по пьянке, кто в Афгане
Упокоились давно,
Потому и спирт в стакане
Словно красное вино.

2008

Колонка

Колонка и ночью течёт,
Чинить её некому стало.
Чего ж меня снова влечёт
К тому, что цвести перестало?

А всё потому, что живу,
Что там только черпаю силы,
Где мать и отец в синеву
Бессонно глядят из могилы.

2008

Сазан

Сазан, ломая плавники,
Не лез в сачок, буравил воду,
И матерились рыбаки,
Что я не смог подсачить с ходу.

Как будто это и не я
Засёк сазана на «бомбушку»,
Как будто не рука моя
Мотала леску на катушку.

Вода сочилась в сапоги,
А сзади матом помогали,
Орали сзади: «Помоги!»,
Но мне ничем не помогали.

Но вот сазан зашёл в сачок,
Вот на мели прибрежной бьётся.
Вот он в фуфайке. И молчок.
И только взвесить остаётся.

2008

Аисты

Аисты не улетели.
Что им чернобыльский гром?
Белые аисты сели
Погоревать за бугром.

Сели из речки напиться
Там, где висит тишина.
Знали бы белые птицы,
Как эта речка черна.

Пьют они с жадностью воду,
Солнце нещадно палит.
Аистам белым природа
Жить без людей не велит.

Только уехали люди,
Аистов бросив одних.
Что всё же с птицами будет?!
Что тут случится без них?!

Аисты не улетели.
Что им чернобыльский гром?
Белые аисты сели
Погоревать за углом.

2009

Полая вода

В полночь подморозит, и тогда
Речка в берега свои вернётся,
А наутро полая вода
Снова, просыпаясь, встрепенётся.

На лугу оставив тонны льда,
Через пару дней она уймётся.
— До свиданья, полая вода! —
Крикнуть вслед ей только остаётся.

Сколько раз, как полая вода,
Безоглядно, прямо в сердце била
Чёрная бездушная беда
И без спроса в дверь мою входила.

Вот и снова льдины на реке,
Но печаль какая-то другая...
Половодье в нашем городке,
И оно проходит, дорогая.

2009

Рождественский рассвет

Ряжск. Рождество Христово.
Мне только десять лет,
Но захватило слово,
Спасу от слова нет.

Вновь просыпаюсь рано,
Звёзды глядят в окно,
Только вот как ни странно,
Но на дворе темно.

Где-то скрипят ворота,
Где-то звенит ведро,
И наполняет кто-то
Счастьем моё перо.

2009

«Чертят снова клесты кресты...»

Чертят снова клесты кресты
Над рябинами у окна.
И сжигает тепло мосты,
И ветрам уже не до сна.

И летит золотистый лист,
Но не знает, куда лететь.
Ветер северный голосит,
Но и он разучился петь.

Нет гармонии никакой,
В тучах пасмурных спит луна.
И в душе опять непокой,
Вот и мается вновь она.

Ставят снова клесты свой крест
На тепле этих серых мест.

2010

Названия

Сёла Берёзово, Совка, Незнаново,
Жаркая, Туговка, Красный Гудок...
Реки Алёшенка, Хупта и Ранова⁵,
Не обошедшие мой городок.

Села Мизинец... Да мало ль их около!
Столько названий душевных, не счесть!
Вот уже тиной болото зацокало,
Значит, болота и те у нас есть.

Есть перелески с полями и взгорками,
Рожь и пшеница, заря и рассвет,
Только безрадостно что-то и горько нам,
Полного счастья чего-то всё нет.

2009

⁵ Названия сел и рек в Рязском районе Рязанской области.

Вроде вётлы...

Вроде вётлы... А сколько в них мощи!
И у вётел её не отнять!
Потому и стоят у нас рощи,
Что как люди умеют стоять.

2010

Отлёт⁶

Остывает земля, подмерзает,
И опять, раскричавшись во мгле,
Журавли улетают в Израиль
Зимовать на священной земле.

Возвратятся, конечно же, снова
Наживать в Подмоскowie добро,
И уронит в районе Ростова
Возмужавший журавль перо.

Я не знаю доподлинно, зря иль,
Может, так же, как люди, не зря
Журавли улетают в Израиль,
Чтоб взглянуть на чужие моря.

Чтоб понять, что священнее нету
Вот такой же приветной земли,
О которой разносят по свету
Свои песни мои журавли.

2013

⁶ Журавли зимуют в Южной Африке и Израиле, возвращаются через Ростовскую область в среднюю полосу России.

Половодье

Услышу вздох последней полыньи —
Апрель ушёл от нас среди недели.
Ах, что же вы, хорошие мои,
За полою водой недоглядели?!

Когда прибились льдины к городьбе?
Когда они растают понемножку?
И нас вода катает на себе
И поднимает в подполе картошку.

Апрель, апрель... Холодная вода,
Грачи уже кричат, изнемогая.
И что ни день, то новая беда
Глядит, из-за угла подстерегая.

2010

Ветер после Покрова

Ветер, безумный ветер
Выстудить всё готов.
А ведь вчера на свете
Тихий гостил Покров.

Переживём и это,
Было и холодней.
Мало ли у поэта
В жизни ненастных дней.

2010

На Ямском лугу

На Ямском лугу коровы
Голубые видят сны,
А по Хупте до Петрова
Раздаётся свист блесны.

Скоро заморозки грянут,
И тогда и этот луг,
И деревья мёрзнуть станут,
Собирая снег вокруг,

Чтоб в серебряные шубы
Ивы хрупкие одеть,
Чтоб обветренные губы
Продолжали песни петь.

А пока лежат коровы,
Голубые видят сны,
И по Хупте до Петрова
Раздаётся свист блесны.

2010

Синицы

Что-то, видно, проведали птицы,
И не так что-то в этом краю,
Если ранней порою синицы
Из лесов прилетели к жилью.

И стучатся в оконную раму,
Не дождавшись ответа, стучат.
Будто просят принять телеграмму,
Но отводят глаза и молчат.

Что в лесах в этот час происходит,
Почему тянет птицу к жилью?
Лишь одной, вероятно, природе
Птицы выдадут тайну свою.

И стучатся в окно осторожно
Две синицы, два робких зрачка.
И понять их, наверное, можно,
Невозможно услышать пока.

2010

Смог 2010 года

Леониду Сергееву

Только в нижнем буфете прохладно,
А на улице смог и жара...
– Завтра будешь?
– Не знаю...
– Ну ладно...
Семь часов... Закрывают... Пора.

А назавтра не встретимся снова,
Не расскажем, как ночь не спалось,
А увидимся, буркнем: «Здорово!
Как там дома-то? Всё обошлось?»

Перескажем последние сплетни,
Сядем плотно за круглым столом.
Смог московский, диковинный, летний
Оседает уже над Кремлём.

И, конечно, он суть разговора,
Каждый чистого воздуха ждёт.
– И когда он отступит?
– Не скоро!
– Ладно! Выпьем, а то не сойдёт!..
– Ты куда?
– На метро к «Баррикадной»...
– Пиво пить?
– Неохота, жара...
– Завтра будешь?
– Не знаю...
– Ну ладно...
Семь часов... Закрывают... Пора...

2010

Сом

Конец сентября, не купаются,
Неспешно разводят костры,
И листья летят, осыпаются
Вдохнувшие дыма кусты.

И правда, погода шашлычная,
Ни мошки нет, ни комарья,
И что-то далёкое, личное
Представила память моя.

Вот так же, под этими вёглами,
Рыбачил лет тридцать тому...
И лодка скрипучими вёслами
Скрипела лишь мне одному.

Резвились лещи краснобокие,
И карп зависал над водой,
И ямы речные, глубокие
Осматривал сом молодой.

Вот так, вероятно, и встретились,
Я даже не стронул сома,
А в мыслях о встрече наметились
Фантазий внезапных тома.

Я помню бурун под осокою
И леску, секущую высь.
И с ямою этой глубокою
По-доброму мы разошлись...

Конец сентября, не купаются,
Над Хуптой притихшею дым.
И листья летят, осыпаются,
Хотим мы того, не хотим.

2010

На рыбалке

Говорят, что Хупту запрудили
И вода на Хупте поднялась.
Только рыбу не предупредили,
И она на ямы подалась.

В камышах один болящий окунь
С врезавшимся в брюхо тройником,
И плотва покинула осоку,
И сазан ушёл за ней тайком.

И рыбак, не знающий сюжета,
Как бревно, торчит из камышей,
Вспоминая, как прошедшим летом
Гнал плотву несытую взашей.

Вот ведь как бывает на рыбалке —
Ни поклёвки, сколько ни сиди.
Что опять за лето, ёлки-палки,
Если ни поклёвки впереди!

2010

Пожары

Все берёзы мои погорели,
И оплавилась клёны мои.
В одночасье в садах постарели
Золотые мои соловьи.

Бессердечны ветра и пожары,
Молчаливы к беде небеса.
И вода от огня убежала,
И пропала в округе роса.

По Рязанской железной дороге
Лето целое пламень и дым.
Очень сильно прогневались боги,
Раз пожары приспичили им.

Ничего просто так не бывает,
Получаем за то, что творим.
И добро на земле убывает,
Если редко о нём говорим.

Вновь берёзы и клёны посадим,
Соловьи запоют по садам.
Только с болью сердечной не сладим,
И пожары аукнутся нам.

2010

Хупта

По Хупте сети, сети, сети
И облетевшая листва,
И входит в сети на рассвете
Неосторожная плотва.

А у кирпичного завода,
Где берега позаросли,
С мостушки набирают воду
Для бани, кухни и земли.

Шумит осока, и в осоку
Влетает утка свысока.
И не бывает одинокой
Весь год дрожащая река.

2010

Кланяюсь в пояс дороге

Тихо по жизни шагаю,
Кланяюсь новому дню,
Строчки для внучки слагаю,
Попусту жизнь не гоню.

Праздную осень и лето,
Счастлив весной и зимой.
И на все стороны света
Кланяюсь жизни самой.

Кланяюсь в пояс дороге,
За спину ладя суму,
Вот и выходит в итоге —
Кланяюсь всем и всему.

И не бывает обидно
Чувствам сердечным моим:
Кланяться людям не стыдно,
Стыдно не кланяться им.

2010

В деревне Божьи Воды⁷

В деревне Божьи Воды
Ни капельки воды.
И просят огороды,
Поля, луга, сады:
– Воды, воды, воды!

Поломанные вишни
И бывшие пруды.
И днём и ночью слышно:
– Воды, воды, воды!

И с кладбища, где стоны,
Где мёртвые следы,
Несётся голос сонный:
– Воды, воды, воды!

Согнувшиеся груши
Да стаи лебеды...
И просят чьи-то души:
– Воды, воды, воды!

Но в прошлое нет брода,
И в небе ни звезды,
И слышен гул народа:
– Воды, воды, воды!

2011

⁷ Населённый пункт в Рязском районе Рязанской области.

Спутник

Не нарывался на беседу,
Молчал и думал о своём.
Да мало ли куда я еду?!
Вот так и ехали вдвоём.

Он мирно спал на верхней полке,
А я не мог уснуть никак,
И мне в глаза с его футболки
Глядел футбольный клуб «Спартак».

Он с полки слез перед Рязанью,
Взял сумку и сказал: «Пока!»,
И затерялся на вокзале
Попутчик в майке «Спартака».

А я один поехал дальше.
Случается порою так.
И я б не вспомнил после даже
Про майку с надписью «Спартак».

Но вот запало в сердце что-то —
Молчанье, краткое: «Пока!»
Похоже, ехал он с работы,
Попутчик в майке «Спартака».

Он мне не раз ещё приснится
С тяжёлой сумкою в руке,
Напоминая, что столица
Находит силы в «Спартаке».

2011

«Соловьи мои не улетели...»

Соловьи мои не улетели,
Перещёлк хрустальный не затих.
В майские вишнёвые метели
Как бы жил я, Господи, без них?!

Слышь! Они уже вблизи запели.
Чу! Уже у самого крыльца.
Соловьи мои не улетели,
Поселились в чуткие сердца.

Видно, спать не хочется кому-то,
Ночью думы у людей свои.
И молчаньем наполняют утро
Певшие бессонно соловьи.

2012

«Сошла вода, забылось половодье...»

Сошла вода, забылось половодье,
На луг Ямской слетаются стрижи.
О, жизнь, постой, не напрягай поводья,
Свою лояльность людям докажи.

Ну дай им всласть набегаться по лугу,
Как в свой разлив беспечная вода,
И чтоб они поверили друг другу
И не теряли веры никогда.

2012

Молитва осенних птиц

Птицы, видимо, молятся Богу
На закате осеннего дня,
Чтобы завтра пуститься в дорогу
И на зиму оставить меня.

Понимаю, о чём они просят
В этот сумрачный час небеса,
И дождливая слушает осень
Безутешные их голоса.

Улетает молитва по ветру,
По теченью бездонной листвы.
И они разлетятся по свету
Из горюющих парков Москвы.

Из окна ничего мне не слышно
В этот поздний таинственный час.
Но какая-то женщина вышла,
Чтобы с ними проститься сейчас.

На душе у меня неуютно,
Рвётся с прошлым последняя нить...
Это жизнь, это сиюминутно,
Ничего уже не изменить.

2011

273-й квадрат

Сергею Иконникову

Двести семьдесят третий квадрат.
Хорошо-то как, благостно, Боже!
И леса меж собой говорят,
Окликая случайных прохожих.

Сколько звуков печальных вокруг!
Сколько вздохов несётся с болота!
И с чего это тянет нас вдруг,
Как магнитом, к себе позолота?

Увядают кусты и грибы,
И осины дымятся, сгорая.
Ничего не прошу от судьбы,
Кроме этого дикого рая.

Двести семьдесят третий квадрат.
Чьи следы обозначились в иле,
Чьи глаза удивлённо горят,
Чьи шаги в изумленье застыли?

2012

Русская дворняга

Он пьянел, заказывал закуски,
Прогонял дворнягу от стола,
Но, когда послал её по-русски,
Никуда собака не пошла.

От него не сделала ни шага.
Бей, любезный! Что мне? Не умру!
Русская бездомная дворняга
Злобу принимала за игру.

Он храпел, она лежала рядом,
Наблюдала искоса за ним.
И почти что человеческим взглядом
Был, уснувший замертво, храним.

Молча стол в объедках созерцала
И, когда проснётся он, ждала.
Не взяла ни хлеба и ни сала,
Ничего без спросу не взяла.

Встал мужик, шатаясь да икая,
И пошёл от пьяного стола,
И за ним, послушная такая,
Русская дворняга побрела.

2012

Лебеда

Всё когда-нибудь кончается,
Как печаль и как вода.
На глухом ветру качается
И рыдает лебеда.

Одиноко долу клонится,
Только верит и она,
Что печаль когда-то кончится
И опять придёт весна,

Говорливая и смелая,
Не выдавшая беду,
И присядет лебедь белая
На рассвете в лебеду.

Перепутает озёрную
И болотистую гладь,
И тоску, такую чёрную,
Ей удастся расплескать.

Лебеда стоит, качается,
Значит, всё ещё жива,
И вовеки не скончается
Эта сытная трава.

2012

Сихотэ-Алинь

Владимиру Костылеву

Отроги Сихотэ-Алиня,
Насторожённая тайга.
И день, безветренный и синий,
Готов приветствовать снега.

Они придут уже наутро,
Я это чувствую нутром.
Они торжественно и мудро
Тайгу укроют серебром.

А дальше заскулят метели,
Завоют волки на луну.
И всю рябину свиристели
Склюют, чтоб увидеть весну.

А с кедров будут падать шишки,
И шишки будут собирать.
А в шишках будут и пустышки,
Которым нечего терять.

Не пролетят морозы мимо,
Не обойдёт души зима.
Как жаль, что жизнь неповторима
И сводит каждого с ума.

Отроги Сихотэ-Алиня
И чей-то удивлённый взгляд:
– Куда же ты в тайгу, разиня?
Не видишь – облака летят!

2012

Мещёра

Михаилу Тихонскому

Какая стынь! И лист неслышно
Листу о чём-то говорит.
И, разодевшаяся пышно,
Рябина горькая горит.

Кричит осенняя пичуга,
Но песнь её – издалека,
И не услышим мы друг друга
Сквозь толщу лет и сосняка.

Но всё равно узнаем скоро,
Как куст рябиновый горчит.
Молчит усталая Мещёра,
О чём – не знаю, а молчит.

Но замечательно чертовски
Гулять и думать, неспроста
Любил заехать Паустовский
В мои мещерские леса.

Октябрь обветренные руки
Несёт к рябинному огню,
И беспричинные разлуки
В лесу сгорают на корню.

2012

Над Рязанью небо хмурит брови

*Памяти священнослужителя Василия
Гаретовского*

Над Рязанью небо хмурит брови,
Бронзовые стонут облака.
Недовольство для людей не внове,
Мало им снегов и сквозняка.

Подавай им хрупкую посуду,
Расстилай персидские ковры.
Вот тогда и восхищаться будут,
И платить улыбкой за дары.

Всё не так, и на земле от века
Жизнь полна лишений и тревог.
Разве быть счастливым человеку
Запрещал на этом свете Бог?!

Жизнь без счастья, в общем-то, ничтожна,
Счастье – соучастие во всём.
Только им делиться с ближним можно,
Только смысл нашей жизни в нём.

Загляни заблудшим людям в души.
Там стоит такая темнота!
Ты хотя б кого-нибудь послушай,
Доведи до ближнего креста.

Помолись за этих падших Богу,
Помолись за выживших во лжи.
Выведи однажды на дорогу,
Хлеб и соль в котомку положи.

Как же им без соли и без хлеба!
Как пройти сквозь вечные леса,
Где в итоге принимает небо
И приют готовят небеса?!

2012

Ряжский АРЗ⁸

Я с другом ехал до Электростали,
Допили в пробках булькавший НЗ.
Вдруг на одном потёртом самосвале
Мелькнула надпись – Ряжский АРЗ.

А я его в семидесятых строил,
А я в него вложил немало сил.
И я тогда был в городе героем,
Когда стране сдавал кабины ЗИЛ.

Бывало, руки-ноги замерзали,
А получал какие-то рубли,
Но на базаре или на вокзале
Мне дать взаймы безропотно могли.

Я тридцать лет с тех пор в строю протопал,
Я тридцать лет России отслужил,
За это время старая Европа
Узнала место, где лечили ЗИЛ.

...Тот самосвал давно уже проехал,
А я молчал и думал: неспроста
На этом свете существует эхо,
Что не даёт забыть свои места.

В Электростали тёплая погода,
И в местном баре ломаются столы,
А в Ряжке снова с моего завода
Идут на службу вечные ЗИЛы.

2013

⁸ Ряжский авторемонтный завод.

Бивень мамонта

Ирине Григорьевой

Я часто прихожу в музей
На экспонаты подивиться.
Здесь, у больших моих друзей,
И бивень мамонта хранится.

До Рязска мамонты дошли,
Спасаясь от морозов возле,
А дальше не было земли,
И звери в нашу землю вмёрзли.

Земля была, но только сил
Туда дойти не доставало.
Ведь если дождик моросил,
Она мгновенно остывала.

И мамонты пускались в путь,
Почти не видимые глазу.
Когда садились отдохнуть,
То льдом и покрывались сразу.

И возле Рановы-реки,
С земли попробовав подняться,
Решили вместе мужики
У нас бессмертными остаться.

Как мамонт брёл сюда, бог весть!
Как одолел снега и ливень?
Но в Рязске есть, но в Рязске есть
Его неповторимый бивень.

2013

Купание воробьёв в Северном Медведково в Москве

В Медведково дожди плясать устали,
Умчались во владения свои,
И в лужи незапачканные встали
Уставшие от зноя воробьи.

Они сейчас не видят и не слышат.
Ну что им кошки или малыши?
Слетаются на воду из-под крыши,
И кроме них на свете ни души.

Купаются себе самозабвенно,
Таранят с криком лужи с высоты.
И в этот миг им море по колено
И все предупреждения пусты.

В нерукотворной ванной чистят перья,
С кустов ныряют в лужи с головой,
Спешат помыться, словно правда верят,
Что эти лужи выпьет домовой.

Порой и мы спешим, как эти птицы,
Нырнуть с обрыва в омут с головой.
И птице тоже нечего стыдиться
И за жару, и за поступок свой.

Купается, пока вода искрится,
Пока она с асфальта не сойдёт.
И не мешает ритуалу птицы
От зноя изнывающий народ.

В Медведково хорошая погода,
Тут все знакомы и почти свои,
И в лужи, не разведывая бродя,
Всё лезут искупаться воробьи.

2013

Полынья

Взирает женщина в пургу.
Она отчаялась увидеть
Того, кто по уши в снегу
Идёт к ней и никак не выйдет.

Идёт который год подряд
Из давней дали невозвратной
Прижать к груди своих ребят,
Расцеловать их многократно.

Но на реке бездушный лёд,
Мороз сковал судьбу и реку,
И он добраться не даёт
К своей любимой человеку.

Будь вы неладны, окуньки
И полынья в ночи без света!
В неё уходят рыбаки,
И никому возврата нету.

Взирает женщина в пургу,
Платок, как жизнь свою, сминая.
– Кто там стоит на берегу?!
– Тебе почудилось, родная!

2014

Кот

Он пережил вторую зиму
В подвале и на чердаке...
Стою, гляжу, проходит мимо,
В «ракушку» лезет налегке.

Он тут живёт, не зная страха,
И ночью тёмною, и днём.
Шерсть, как линялая рубаха,
Всегда топорщится на нём.

Живёт, и моет лапой щёчки,
И ощущает в теле зуд,
Но не уходит от «молочки»
И ждёт, когда за ним придут.

2014

Снега

Со всех лесов ко мне слетелись птицы,
А день назад летели от меня.
В избе тепло, но почему не спится
Февральской ночью стылой у огня?

Зачем, не знаю, спешно улетали,
Все птицы дружно улетали в лес.
Неужто правда эти птицы знали,
Что снег такой повалится с небес?!

Наверно, да, им ведома погода,
А где спастись им, если не в лесу?
Но как же ты обманчива, природа,
Когда весна почти что на носу!

Всё замело, рябины и репейник.
Хоть жизнь потратить, не откопать вовек.
А говорят, что научить терпенью
Способен в мире только человек.

А что же птицы, им же смерть без пищи,
Когда по грудь завалены леса?
Не ветер в поле, снова сладко свищут
И птиц в леса сзывают небеса.

Теплынь, и вновь оттаяли берёзы,
Рябина кровью харкает на снег.
И плачут птицы, и роняют слёзы
За выживших, за раненых, за... всех.

2014

Дом учёных в Санкт-Петербурге

Василию Новикову

Дом учёных... Нева беспокойна,
И спешит восвояси баржа,
Но приветливо машет рукой нам
Мальчик с третьего этажа.

Облака опускаются в воду,
Ветер тоже ложится сюда,
А кричал: «Только дайте свободу,
Я вас жить научу, господа!»

Не получится, братец, с наскока,
Как ты резво вокруг ни кружись,
Справедлива, но только жестока,
А ещё поучительна жизнь.

Я в гостях в этом Доме учёных,
Созерцаю Неву из окна.
И не кажется мне обречённой
И не знающей счастья страна.

Недовольные, вы не сопите,
Что Россия идёт не туда.
Дом учёных... Приветливый Питер.
И его золотая вода.

2013

В Павловском дворце в Царском Селе

Эдуарду Филиппову

В бывшей северной столице,
С кислой миной на лице,
У окна императрица
В мокром Павловском дворце.

Монотонный дождь за дверью,
В лужах жёлтая листва.
Я с трудом сегодня верю,
Что ей нравилась Москва.

Представляют сказку стены,
Шелестят вокруг шелка,
И взирают гобелены
На вошедших свысока.

И бессмысленно, и глупо
Ждать кареты у окна.
Не приедет граф Юсупов,
Не войдёт его жена.

Дождь за окнами скучает,
Навевая сладкий сон.
Остывает чашка с чаем,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.